

Научно-фантастический рассказ

ТРИ ЗАКОНА РОБОТЕХНИКИ

1. РОБОТ НЕ МОЖЕТ ПРИЧИНИТЬ ВРЕД ЧЕЛОВЕКУ ИЛИ СВОИМ БЕЗДЕЙСТВИЕМ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕКУ БЫЛ ПРИЧИНЕН ВРЕД.

2. РОБОТ ДОЛЖЕН ПОВИНОВАТЬСЯ ВСЕМ ПРИКАЗАМ, КОТОРЫЕ ОТДАЕТ ЧЕЛОВЕК, КРОМЕ ТЕХ СЛУЧАЕВ, КОГДА ЭТИ ПРИКАЗЫ ПРОТИВОРЕЧАТ ПЕРВОМУ ЗАКОНУ.

3. РОБОТ ДОЛЖЕН ЗАБОТИТЬСЯ О СВОЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ТОЙ МЕРЕ, В КАКОЙ ЭТО НЕ ПРОТИВОРЕЧИТ ПЕРВОМУ И ВТОРОМУ ЗАКОНАМ.

Впервые за всю историю существования фирмы «Ю. С. Роботс энд Мехэникел Мэн Корпорейшн» робот стал жертвой несчастного случая на самой Земле.

В этом некого было винить. Воздушный лайнер потерпел катастрофу в пути, но комиссия по расследованию долго не могла решиться, чтобы объявить предполагаемую причину взрыва: столкновение с метеоритом. Ни одно тело, кроме метеорита, не могло двигаться с такой огромной скоростью, иначе самолет успел бы автоматически отклониться от курса. И ничто другое не могло бы вызвать таких разрушений, разве только атомный взрыв, о котором, разумеется, не могло быть и речи.

А если к этому добавить сообщение о вспышке в ночном небе, замеченной как раз незадолго до катастрофы, причем не каким-нибудь любителем, а астрономами обсерватории Флагстаф, и упомянуть об обнаруженной всего лишь в миле от места падения самолета и глубоко врезавшейся в землю внушительной массе железа, совершенно очевидно метеоритного происхождения, то становится понятным, что все эти факты не могли привести к иному выводу.

Правда, ничего подобного еще не происходило, к тому же подсчеты вероятности такого события показали, что практически она была нулевой. Но ведь случаются иногда и более невероятные вещи!

Для фирмы «Ю. С. Роботс» вопросы «как?» и «почему?» отходили на задний план. Реальностью был погибший робот, и факт этот казался плачевным уже сам по себе. Но еще трагичней было то, что ДН-5 — первый удачный образец после че-

тырех пробных моделей — предназначался для дальнейших испытаний.

ДН-5 был роботом совершенно нового типа, полностью отличным от всех ранее сконструированных. И от одной этой мысли можно было впасть в отчаяние!

И наконец, то, что перед катастрофой ДН-5 разрешил проблеме неслыханной важности, а ответ, быть может, навсегда утерян, — повергло ученых в настоящую скорбь.

При такой невозместимой потере вряд ли стоило упоминать, что вместе с роботом погиб и Главный Робопсихолог фирмы.

Клинтон Мадариан появился в «Ю. С. Роботс энд Мекэникел Мэн Корпорейшн» десять лет назад. Первые пять лет он проработал под руководством неуживчивой Сьюзен Кэлвин, но никто не слышал от него ни единой жалобы.

Способности Мадариана были настолько выдающимися, что Сьюзен Кэлвин без малейших угрызений совести повысила его в должности раньше многих старых сотрудников. Но ни за что на свете не стала бы она объяснять причины этого повышения Главному Математику фирмы Питеру Богерту, хотя на сей раз он в объяснениях не нуждался — все и без того было ясно.

Во многих отношениях Мадариан был полной противоположностью знаменитой Сьюзен Кэлвин. Он прямо-таки подавлял своим присутствием, тогда как Сьюзен Кэлвин почти всегда оставалась незаметной. Его крупное лицо, взлохмаченные волосы цвета медной кожи красноватого оттенка, рокошущий голос и громовой смех, а главное — непоколебимая вера в себя и стремление немедленно сообщить всем и каждому о собственных успехах заставляли людей, находящихся с ним в одном помещении, ощущать тесноту окружающего их пространства.

Когда Сьюзен Кэлвин наконец ушла на пенсию, столь решительно отказавшись присутствовать на банкете, который собирались устроить в ее честь, что об ее отставке даже не решились оповестить прессу, — освободившееся место занял Мадариан. И тотчас же — не прошло и дня, как он вступил на новый пост — он начал обдумывать проект ДН.

Проект этот требовал ассигнований, превышающих все, что «Ю. С. Роботс» когда-либо тратила на одну разработку, и фирма долго бы еще колебалась, если бы Мадариан небрежным жестом руки не отклонил ненужные разглагольствования.

— Цель оправдывает средства, Питер, — сказал он, —

оправдывает до последнего пенни, и я очень рассчитываю, что вы сможете убедить административный совет.

— Изложите мне свои доводы, — ответил Богерт, спрашивая себя, захочет ли Мадариан это сделать: ведь в таких случаях Сьюзен Кэлвин всегда отказывалась.

Но Мадариан ответил:

— Пожалуйста.

И поудобнее устроился в широком кресле против стола Главного Математика, который разглядывал своего собеседника с чувством, похожим на суеверный страх. Волосы Богерта, еще недавно черные, совсем поседел. Не пройдет и десяти лет, как он тоже вслед за Сьюзен выйдет на пенсию.

Его уход ознаменует собой конец старой «плеяды», которая превратила «Ю. С. Роботс» в фирму мирового значения, по сложности решаемых проблем соперничающую с задачами государственной важности. Ни ему, ни его предшественникам и в голову не приходило, что фирма когда-нибудь приобретет подобный размах.

Теперь пришло новое поколение. Оно привыкло к другим масштабам. Эти новые люди утратили способность удивляться и могли двигаться только семимильными шагами.

Но они шли вперед, а это было главное.

Мадариан сказал:

— Я предлагаю приступить к конструированию роботов, лишенных ограничений.

— Как?! Не считаясь с Тремя Законами?

— Да нет же, Питер! Это ведь не единственные ограничения. Вы же сами участвовали в первых разработках позитронного мозга. Мне ли напоминать вам, что независимо от Трех Законов, все процессы в таком мозге обусловлены заранее. Наши роботы предназначаются для выполнения специальных заданий и наделены только необходимыми для этого качествами.

— И вы предлагаете...

— Я предлагаю, чтобы на любом уровне, подчиненном Трем Законам, были сняты все ограничения. Это совсем не трудно!

— Конечно, не трудно, — сухо ответил Богерт. — Беспольные действия никогда не вызывают затруднений. Трудно лишь так отрегулировать процессы, чтобы извлечь из роботов максимальную пользу.

— Мы напрасно все усложняем. При жесткой фиксации процессов затрачивается много усилий. Ведь принцип неопре-

деленности существен для частиц, имеющих массу позитрона, и хочется, насколько возможно, уменьшить эффект неопределенности. А зачем? Если нам удастся воспользоваться принципом так, чтобы допустить возможность существования различных решений в непредвиденных обстоятельствах...

— Тогда у нас будет незапрограммированный робот?

— У нас, Питер, будет робот, наделенный творческим мышлением. — В голосе Мадариана появились нотки нетерпения. — Если и существует свойство, которое присуще человеческому мозгу и которого начисто лишен мозг робота, то это — непредсказуемость действий как следствие неопределенности на субатомном уровне. Я знаю, что проявление этого свойства нервной системы еще ни разу не было подтверждено экспериментальным путем. И все же, не будь этого свойства, человеческий мозг не превосходил бы мозг робота.

— И вы полагаете, что, наделив этими особенностями мозг робота, вы в принципе доведете его до уровня человеческого?

— Вот именно, — подтвердил Мадариан.

После этого они еще долго продолжали спорить.

Как и следовало ожидать, убедить административный совет оказалось не так-то просто.

Скотт Робертсон, самый трудный из акционеров («О. С. Роботс», заявил:

— И без того нелегко поддерживать промышленное производство роботов на прежнем уровне, когда широкая публика неодобрительно относится к этим механизмам и в любую минуту может объявить им открытую войну. Средний обыватель (пожалуйста, не говорите мне о Трех Законах!) сразу же перестанет верить, что находится под их защитой, едва лишь услышит слово «неконтролируемый».

— В таком случае не будем употреблять этого слова, — сказал Мадариан, — назовем лучше нашего робота «интуитивным».

— Робот с интуицией? — пробормотал кто-то. — Не хватало, чтобы еще с женской. Женщина-робот...

По залу заседаний пробежал смехок. Мадариан решил сразу же взять быка за рога:

— Да! Женщина-робот! Наши роботы, разумеется, существа бесполое, и этот также не будет отличаться от остальных. Но у нас уже вошло в привычку рассматривать роботов как представителей мужского пола. Мы даем им мужские имена, употребляем местоимения «он», «его». Что же касается данного

робота, то, учитывая предложенную мной математическую структуру его мозга, он скорее всего попадет в систему координат ДН. Первый из них был бы тогда ДН-1, и я собирался назвать его Джоном-1, хотя, признаться, это имя было бы на уровне оригинальности заурядного конструктора. А почему бы, черт побери, не назвать нашего робота Джейн-1? И если уж непременно нужно информировать широкую публику о всех делах фирмы, то сообщим, что сейчас мы конструируем робота, наделенного женской интуицией.

Робертсон покачал головой:

— А что от этого изменится? Ведь, по сути, вы хотите уничтожить последнюю преграду, препятствующую мозгу робота подняться до уровня человеческого мозга. И как же, по-вашему, на это будет реагировать широкая публика?

— А вы собираетесь ей обо всем докладывать? — возразил Мадариан. После минутного размышления он сказал: — Послушайте, ведь испокон веков считается, что мужчина по интеллекту превосходит женщину.

Все присутствующие настороженно переглянулись, как если бы Сьюзен Кэлвин сидела на своем обычном месте.

Мадариан продолжал:

— Если мы объявим о создании женщины-робота, несущественно, какой она будет. Публика заранее настроится на то, что интеллектуальный уровень нового робота будет ниже, чем у обычного. Нам лишь останется сообщить о появлении Джейн-1, и тогда мы ничем не рискуем.

— Но этого мало, — вмешался Питер Богерт. — Мы с Мадарианом тщательно произвели все вычисления и пришли к выводу, что вся серия ДН — будь то Джон или Джейн — вполне безопасна. Такие роботы проще обычных, а их интеллектуальный уровень ниже, чем у предыдущих серий, от которых ДН будет отличаться лишь одним дополнительным свойством — условимся называть его интуицией.

— Кто знает, к чему оно приведет? — пробормотал Робертсон.

— Мадариан, — продолжал Богерт, — предлагает такое решение: как вы знаете, Межзвездный Прыжок теоретически разработан. Человек в состоянии достигнуть сверхсветовых скоростей, проникнуть в другие солнечные системы и вернуться на Землю спустя короткое время, скажем, не более чем через несколько недель.

— Все это давно известно, — прервал его Робертсон, — и может быть осуществлено без помощи роботов.

— Совершенно верно, но сверхсветовой двигатель пока может быть использован только один раз. Межзвездный Прыжок — дело весьма рискованное. Он сопряжен с чудовищными затратами энергии и тем самым — с огромными расходами. Если уж мы на них решимся, то было бы неплохо открыть заодно и какую-нибудь обитаемую планету. Назовите это, если хотите, психологической необходимостью, но выложить десятки миллиардов долларов ради полета, который ничего не принесет, кроме научных данных? Налогоплательщики непременно потребуют, чтобы им разъяснили, на что расходуются такие средства. Но стоит вам объявить, что существует еще один населенный мир и вы станете межзвездным Колумбом, никто даже не вспомнит о потраченных деньгах.

— Ну и что из этого?

— А то, что нам негде взять такую планету. Или, скажем, так: какая из трехсот тысяч звезд и созвездий в пределах досягаемости Межзвездного Прыжка, то есть в радиусе трехсот световых лет, с наибольшей вероятностью может быть заселена разумными существами? В нашем распоряжении масса подробных сведений обо всех звездах, отстоящих от нас не более чем на триста световых лет, и мы считаем, что почти каждая из них обладает своей планетной системой. Но в какой же из этих систем находится обитаемая планета? На какую из них нужно высадиться? Увы, этого мы не знаем.

— При чем тут робот Джейн? — спросил кто-то из директоров.

Мадариан собрался было ответить, но передумал и сделал знак Богерту. Тот все понял: в данном случае слово Главного Математика имело большой вес. Сам Богерт прежде не был в восторге от затеи Мадариана. Если серия ДН окажется неудачной, то он уже достаточно увяз в этом деле, чтобы навлечь на себя град упреков. С другой стороны, его уход на пенсию не за горами, а в случае успеха он покинет свой пост в ореоле славы. А быть может, он просто заразился уверенностью Мадариана? Как бы то ни было, Богерт теперь искренне верил в удачу. И он сказал:

— Не исключено, что, опираясь на сведения, которыми мы располагаем об этих звездах, можно оценить вероятность существования обитаемой планеты земного типа в одной из таких систем. Нам нужно подойти к этим данным не шаблонно, а творчески и обнаружить правильные соотношения. Ведь ничем подобным мы еще не занимались. Даже если бы какой-нибудь астроном и сделал это, он не смог бы в полной

мере оценить достигнутого. Робот типа ДН установит такие соотношения быстрее и с гораздо большей точностью. За один день он способен составить и отбросить столько вариантов, сколько одному человеку не сделать и за десять лет. Кроме того, робот будет действовать наугад, тогда как человек непременно оказался бы в плену предвзятых соображений.

Воцарилось молчание. Наконец Робертсон прервал тишину:

— Разве дело только в вероятности? Предположим, что робот изречет: «Наибольшая вероятность существования обитаемой планеты, скажем, Сквиджи-17, в радиусе стольких-то световых лет, в такой-то системе». И вот мы устремляемся туда, чтобы лишний раз убедиться, что вероятность всегда остается только вероятностью и что в действительности там нет никакой обитаемой планеты. В каком положении мы окажемся?

На этот раз вмешался Мадариан.

— Все равно мы останемся в выигрыше, так как узнаем, что привело робота к подобному заключению, когда он, простите, она, расскажет нам об этом. Таким образом, мы сможем собрать колоссальные сведения в области астрономии и тем самым оправдаем нашу затею, даже если и не совершим Межзвездного Прыжка. Кроме того, мы сможем рассчитать вероятности не для одной, а для пяти планет, в таком случае вероятность, что хотя бы одна из них окажется обитаемой, будет больше девяноста пяти процентов и в следующий раз можно почти не сомневаться в успехе.

Прения еще долго не прекращались.

Ассигнованной суммы оказалось совершенно недостаточно, но Мадариан надеялся, что сработает привычный рефлекс — административный совет фирмы не даст пропасть уже потраченным деньгам. Когда истрачено двести миллионов долларов, не стоило скупиться еще на сотню, чтобы спасти всю сумму. И Мадариан не сомневался, что ему эту сотню выделат.

Но вот Джейн-1 была наконец смонтирована и предстала пред испытующим оком Питера Богерта.

— Почему у нее такая тонкая талия? — спросил он. — Это что, технический дефект?

Мадариан хмыкнул:

— Послушайте, раз уж мы решили назвать ее Джейн, лучше, если она не будет похожа на Тарзана.

Богерт покачал головой:

— Что-то мне это не нравится. А в следующий раз вы ей

сделаете бюст? Да и вообще вся эта затея дурацкая. Если женщины вообразят, что появятся похожие на них роботы, могу себе представить, какие сумасбродные мысли придут им в голову. Вот где вас подстерегает настоящая опасность.

— Возможно, вы и правы, — ответил Мадариан, — ни одна женщина не захочет признаться даже самой себе, что ее может заменить механизм, у которого не будет ни одного недостатка, присущего женскому полу. Да, да! Вполне с вами согласен!

У Джейн-2 уже не было тонкой талии. Это был мрачный, малоподвижный, неразговорчивый робот.

В период его создания Мадариан редко навещался к Богерту со своими новостями, из чего было легко заключить, что дела идут далеко не блестяще. В противном случае (Богерт в этом ничуть не сомневался) Мадариан не постеснялся бы ворваться к нему в спальню в три часа ночи, чтобы выложить очередную идею.

И вот именно теперь, когда Мадариан, казалось, как-то сник, когда поблек его яркий румянец, а толстые щеки ввалились, Богерт сказал ему, чувствуя, что попадает в самую точку:

— Что, отказывается говорить?

— Нет, она говорит, — ответил Мадариан, тяжело опускаясь в кресло, и добавил, покусывая нижнюю губу: — По крайней мере, изредка.

Богерт поднялся, чтобы осмотреть робота.

— А если она говорит, то ее слова бессмысленны? А если вообще не говорит — значит, она не настоящая женщина? Не так ли?

Мадариан тщетно пытался изобразить какое-то подобие улыбки.

— Сам по себе мозг вполне исправен.

— Знаю, — подтвердил Богерт.

— Но как только его вложили в робота, он, естественно, изменился...

— Естественно, — бросил Богерт, не пытаясь даже перекинуть спасительный мостик вконец запутавшемуся Мадариану.

— Но изменился непредсказуемо, и это приводит меня в отчаяние. Трудность состоит в том, что как только вы пытаетесь рассчитывать неопределенность в N-мерном пространстве, то все очень...

— Неопределенно? — перебил Богерт, удивляясь собственному каламбуру.

Убытки фирмы достигли уже весьма значительной суммы. Прошло около двух лет, а результаты, мягко говоря, необнадеживающие. И в то же время Главный Математик испытывает какое-то удовлетворение. Уж не к Сьюзен ли Кэлвин обращены его стрелы? Но (тут Богерт засомневался) в отличие от Сьюзен, которую не могли сломить неудачи, Мадариан был куда более уязвимым. Неужели он отыгрывается за прошлое, сделав Мадариана мишенью для своих шуток, чего Сьюзен Кэлвин никогда бы не допустила.

Однако Мадариан никак не отреагировал на каламбур, как это сделала бы и Сьюзен Кэлвин, но по другой причине — она бы смолчала из презрения, а тот просто не расслышал.

Мадариан начал приводить свои аргументы.

— Трудность в опознавании. Джейн-2 блестяще справляется с соотношениями. Она может сопоставить все, что угодно, но, к сожалению, не умеет отличить важных результатов от второстепенных. Это нелегкая задача — запрограммировать робота на нахождение существенных соотношений, если мы заранее не знаем, какие именно соотношения она находит.

— Я полагаю, вы намеревались понизить потенциал на...

— Нет, нет и нет! — Голос Мадариана упал до шепота: — Мы не допустим, чтобы из-за нее все рухнуло. Нужно заставить ее распознавать главные соотношения и научить делать правильные выводы. Когда мы этого добьемся, робот Джейн будет находить решение интуитивно, тогда как мы получаем их благодаря случайным удачам.

— Мне кажется, — сухо заметил Богерт, — что, имея такого робота, вы в любую минуту смогли бы заставить его выполнить то, что среди простых смертных в состоянии совершить только гений.

Мадариан с живостью кивнул головой.

— Золотые слова, Питер! Я бы и сам сказал это, если бы не боялся испугать наших администраторов. Пусть это пока останется между нами.

— Вы действительно хотите создать гениального робота?

— Слова, одни слова... Я хочу сконструировать робота, способного находить случайные соотношения с невероятной быстротой, а также безошибочно выделять ключевые проблемы. Мне казалось, что я уже близок к цели, но, видимо, я заблуждался.

Он бросил недовольный взгляд на робота и приказал:

— Джейн, сформулируй самое важное из того, что ты обнаружила?

Джейн-2 повернула голову к Мадариану, но ничего не ответила.

Тогда Мадариан покорно сказал:

— Она все это зафиксировала в своей памяти.

И тут-то Джейн-2 отреагировала голосом, лишенным всякого выражения:

— Как раз в этом у меня нет уверенности.

Это было первое, что она произнесла. Глаза Мадариана, казалось, вылезли из орбит:

— Она составляет уравнение с неопределенными решениями.

— Так я и думал, — сказал Богерт. — Одно из двух: либо вы чего-нибудь добьетесь, либо покончите с этим делом, пока убытки фирмы еще не перевалили за полмиллиарда!

— Нет, я что-нибудь придумаю, — пробормотал Мадариан.

С Джейн-3 они потерпели полную неудачу. Ее даже не допустили к испытаниям, и Мадариан был вне себя от ярости. На этот раз ошибся человек, точнее говоря, сам Мадариан. И хотя он был совершенно подавлен, все остальные сохраняли спокойствие. Пусть в него бросит камень тот, кто сам никогда не ошибался в дьявольских премудростях позитронного мозга!

Прошло около года, прежде чем появилась Джейн-4. К Мадариану вернулся его былой оптимизм.

— Все в порядке, — говорил он. — У нее большие способности к опознаванию.

Он был настолько уверен в себе, что заставил Джейн-4 решать задачи перед административным советом. Нет, не математические — с ними справился бы любой робот, а с нарочито запутанными условиями задачи, которые в то же время нельзя было признать неверными.

— Ну что ж, — сказал ему потом Богерт, — в этом не было ничего ошеломляющего.

— Разумеется, для Джейн-4 все это достаточно элементарно, но ведь нужно было им что-нибудь показать?

— Вы знаете, сколько мы уже потратили?

— А вы знаете, Питер, сколько мы уже возместили? Наш труд не пропал даром. Три года я работал как проклятый и все-таки нашел новые способы математических подсчетов, которые сэкономят нам по меньшей мере пятьдесят тысяч дол-

ларов на каждой новой модели позитронного мозга. Отныне и навеки. Разве я не прав?

— Ну что ж...

— Никаких «ну что ж». Это непреложный факт. И мне кажется, что Н-мерные исчисления неопределенностей будут широко применяться, если мы только додумаемся, где их применять. А вот роботы Джейн наверняка додумаются. Как только мне удастся полностью осуществить мой замысел, новая серия окупит себя раньше чем за пять лет. Даже если мы утроим уже затраченную сумму.

— А что вы подразумеваете под словами «полностью удастся осуществить замысел»? Что-нибудь не в порядке с Джейн-4?

— С ней-то как раз все в порядке, вернее, почти все. Она на верном пути, но ее можно усовершенствовать, и мне хочется это сделать. Раньше, когда я ее конструировал, мне казалось, я знаю, чего хочу, но теперь, после того как я ее испытал, я знаю, какова моя цель, и я ее достигну.

Джейн-5 полностью соответствовала замыслу. Мадариану потребовалось больше года на ее создание, но на сей раз он не делал никаких оговорок — он был абсолютно уверен в своей работе.

Джейн-5 была меньше и изящнее, чем обычные роботы. Не будучи карикатурой на женщину, как Джейн-1, она обладала какой-то женственностью, несмотря на отсутствие внешних признаков пола.

— Просто у нее такая манера держаться, — заключил Богерт.

Она изящно двигала руками, а когда поворачивалась, казалось, что ее туловище слегка изгибается.

Мадариан сказал:

— А теперь послушайте, Богерт! — он обернулся к роботу: — Как ты себя чувствуешь, Джейн?

— Прекрасно, благодарю вас, — ответила Джейн настоящим женским голосом. Это было приятное и даже слегка волнующее контральто.

— Зачем вы это сделали, Клинтон? — нахмурясь, спросил удивленный Богерт.

— Это важно с психологической точки зрения, — ответил Мадариан. — Я хочу, чтобы люди воспринимали ее как женщину, чтобы обходились с ней как с женщиной, объясняли ей...

— Какие люди?

Мадариан сунул руки в карманы и задумчиво оглядел Богерта.

— Мне бы хотелось, чтобы вы договорились о нашей с Джейн поездке во Флагстаф.

Богерт не мог не заметить, что, говоря о роботе, Мадариан больше не употреблял порядкового номера. Она была именно той Джейн, о которой он мечтал. И Богерт повторил с сомнением:

— Во Флагстаф? Но зачем?

— Флагстаф — всемирный центр общей планетологии. Там изучают звездные системы и пытаются вычислить вероятность существования обитаемых планет, не так ли?

— Безусловно, но он же находится на Земле.

— Ну и что? Для меня это не новость.

— Перемещения роботов по Земле строго контролируются. В данном случае эта поездка вовсе не обязательна. Выпишите сюда всю литературу по общей планетологии, и пусть Джейн ее основательно проштудирует.

— Ну нет, Питер! Почему вы не хотите понять, что Джейн не обычный логический робот? Она наделена интуицией.

— Ну и что?

— А то, что невозможно предугадать, что ей потребуется и что может привести ее на нужную мысль... Все серийные металлические модели наделены способностью читать книги и черпать информацию, но это мертвые факты и к тому же устаревшие. Джейн нужны свежие мысли, она должна слышать интонации, она должна знать даже второстепенные детали и владеть сведениями, не имеющими прямого отношения к данному вопросу. Как же, черт побери, мы сможем догадаться, что и когда ее взволнует и выльется затем в осмысленный образ? Если бы все это заранее знали, Джейн была бы нам не нужна, не так ли?

— В таком случае, — теряя терпение, сказал Богерт, — пригласите сюда всех специалистов по общей планетологии.

— Это ни к чему. Они будут себя здесь чувствовать не в своей тарелке. Их реакция будет недоставать естественности. Я бы хотел, чтобы Джейн наблюдала за ними в процессе работы, чтобы она рассмотрела оборудование, кабинеты, столы — все, что их там окружает. Прошу вас, распорядитесь, чтобы ее отвезли во Флагстаф. И, признаться, мне неприятно продолжать этот бесплодный спор.

В голосе Мадариана Богерт уловил нотки, скорее свойственные Сьюзен. Он поморщился и запротестовал:

— Все это очень сложно. Транспортировка экспериментального робота...

— Джейн не экспериментальный робот! Она — пятая в серии.

— Но ведь предыдущие четыре были неудачными!

Мадариан сделал протестующий жест.

— А кто вас просит сообщать об этом правительству?

— Как раз сейчас я беспокоюсь не о неприятностях со стороны правительства. Меня тревожит общественное мнение. Мы достигли больших успехов за последние годы, и мне бы не хотелось быть отброшенным назад только потому, что вы можете потерять контроль над...

— Но я не потеряю над ней контроль. Что за дурацкая мысль! Послушайте, Питер, «Ю. С. Роботс» может зафрахтовать специальный лайнер. Мы приземлимся в ближайшем коммерческом аэропорту и тут же затеряемся среди сотен других кораблей. Там будет ждать фургон, который и доставит нас во Флагстаф. Джейн поместят в ящик, и никто на нас просто не обратит внимания. Но Флагстаф будет информирован о цели нашего визита. И они сами будут заинтересованы помочь нам и проследить, чтобы никто ничего не пронюхал.

Богерт размышлял.

— Самой опасной частью пути будет перевозка в самолете и в машине. Если что-нибудь произойдет с ящиком...

— Ничего не произойдет.

— Ну что ж, быть может, все и обойдется, если только отключить Джейн на время пути.

— Нет, Питер. Это допустимо с любым роботом, но не с Джейн-5. Ведь стоило ее подключить, как у нее заработали свободные ассоциации. Все сведения, которыми она обладает, могут как бы законсервироваться на время отключения, но только не свободные ассоциации. Нет, Питер! Отныне ее вообще нельзя отключать.

— Но если вдруг обнаружится, что мы перевозим действующего робота...

— Можете не беспокоиться.

Мадариан продолжал настаивать на своем, и в один прекрасный день самолет поднялся в воздух. Это был автоматический реактивный лайнер новейшей конструкции. Но ради предосторожности на нем находился пилот — один из служащих фир-

мы. Ящик с Джейн без всяких приключений прибыл в аэропорт и уже потом на борту автомашины был переправлен в целости и сохранности в научно-исследовательскую лабораторию Флагстафа.

Питер Богерт получил первое сообщение от Мадариана раньше чем через час после их прибытия во Флагстаф. Мадариан просто купался в блаженстве. Это было в его характере: он не мог дольше ждать, чтобы не похвастаться. Сообщение было передано при помощи лазерного луча — засекреченным способом, абсолютно исключаящим перехват. Но Богерт все же волновался. Он знал, что при том высоком уровне техники, какой располагало правительство, можно было перехватить сообщение. Единственно, что успокаивало: у правительства не было оснований интересоваться такого рода сообщениями. По крайней мере, Богерт на это надеялся.

— Господи, вовсе не обязательно было вызывать меня! — воскликнул он.

Но Мадариан, не обращая никакого внимания на его слова, захлебывался от восторга:

— Настоящее вдохновение! Ну просто гений! Уверяю вас.

Какое-то мгновение Богерт молча смотрел на трубку, и вдруг его прорвало:

— Что, уже? Уже готов ответ?

— Что вы, конечно, нет. Черт возьми, дайте нам время! Я говорю о ее голосе, здорово меня осенило. Вы только послушайте. Когда нас довели до административного корпуса Флагстафа, открыли ящик и Джейн вышла, все так и попятиться. Испугались. Болваны! Если уж ученые не понимают Законов Роботехники, чего же можно ожидать от необразованных людей?

— И чем же все кончилось?

— Она их приветствовала. Произнесла своим контраalto: «Здравствуйте, джентльмены! Счастлива с вами познакомиться!» Да, это то, что надо! Один парень стал поправлять галстук, другой — пальцами расчесывать шевелюру. И теперь они просто стадом ходят за Джейн.

— Черт возьми! Идите же к ней и не теряйте ее из виду!

В последующие десять дней пребывания во Флагстафе количество сообщений Мадариана сокращалось по мере того, как восторги его явно шли на убыль. Джейн, докладывая, он, ко всему внимательно прислушивается и время от времени от-

вечает на вопросы. Она по-прежнему пользуется успехом и полной свободой передвижения. Но пока что — безрезультатно.

— Ничего нового? — спросил Богерт.

Мадариан тут же занял оборонительную позицию.

— Еще рано о чем-либо говорить. Нельзя употреблять слово «ничего», когда речь идет об интуитивном роботе. Разве можно предвидеть, что с ней произойдет? Сегодня утром, например, она спросила Дженсена, что он ел на завтрак.

— Роситера Дженсена, астрофизика?

— Ну да. Оказалось, что он не завтракал, только выпил чашку кофе.

— Итак, ваша Джейн ведет светские беседы? Вряд ли это оправдывает расходы...

— Послушайте, Питер, не валяйте дурака. Это не пустые разговоры. Для Джейн все важно... Раз она задала такой вопрос, значит он как-то ассоциировался с ее мыслями.

— А о чем она могла думать?

— Откуда мне знать? Если б я знал, то сам был бы Джейн, и вы бы в другой не нуждались. Но я убежден: что бы она ни делала, во всем есть скрытый смысл. Ведь заложенная в ней программа имеет главную цель — определить, существует ли планета с оптимальными условиями для жизни на расстоянии...

— Ну ладно. Теперь вызовите меня не раньше, чем Джейн выдаст это решение. Мне вовсе не обязательно быть в курсе мельчайших подробностей о возможных соотношениях.

Богерт перестал надеяться на сообщение об успехе Джейн. С каждым днем его интерес ослабевал, и, когда новость наконец пришла, она застала Богерта врасплох. Да и поспела она к самому концу...

Это последнее, самое главное сообщение Мадариан произнес вполголоса. Его восторги прошли все фазы развития, и теперь он был почти спокоен.

— Она решила, — сказал он. — Она решила, когда сам я уже в это не верил. Теперь все в порядке. Я говорю с борта самолета, на котором мы возвращаемся. Он только что взлетел.

Богерт наконец перевел дыхание.

— Слушайте, Клинтон, хватит болтовни. У вас есть ответ? Говорите без обиняков.

— Да, ответ получен. Он у меня в кармане. Джейн назвала три звезды в радиусе восьмидесяти световых лет, в системах,

которых, по ее мнению, вероятность нахождения обитаемой планеты составляет от шестидесяти до девяноста процентов, а реальность того, что, по крайней мере, одна из них — та самая, которую мы ищем, — девяносто семь две десятых. Иначе говоря, уверенность почти полная. Как только мы вернемся, она сможет объяснить нам ход рассуждений. Помните мое слово, теперь вся астрофизика и космология будут...

— Вы в этом уверены?

— А вы полагаете, что я спятил? У меня даже есть свидетель. Бедняга просто подпрыгнул от неожиданности, когда Джейн вдруг принялась излагать решение своим мелодичным голосом...

Именно в эту минуту произошло роковое столкновение.

Еще никогда в фирме «Ю. С. Роботс» не царило такого отчаяния. Робертсон пытался утешать себя мыслью, что, по крайней мере, эта катастрофа скрыла нарушения правил, в которых была повинна фирма.

Богерт сокрушенно качал головой:

— Мы упустили превосходнейшую возможность помочь роботам завоевать доверие людей и преодолеть наконец этот проклятый комплекс Франкенштейна. Какой успех выпал бы на их долю! Один из роботов нашел решение проблемы обитаемых планет, а другие помогли бы осуществить Межзвездный Прыжок. Роботы открыли бы для нас Галактику. И помимо всего прочего, мы продвинули бы науку вперед по меньшей мере в десятках различных направлений! Бог мой! Невозможно даже вообразить все преимущества, какие мы могли извлечь для человечества и для нас самих...

Его перебил Робертсон:

— Но разве мы не в состоянии создать новых Джейн, пусть даже без помощи Мадариана?..

— Конечно, в состоянии. Но вряд ли следует рассчитывать на то, что соотношения снова будут удачными. Как знать, насколько мала вероятность полученного Джейн результата? А вдруг Мадариану просто бешено повезло, как это бывает с новичками? И только для того, чтобы затем его постиг такой сокрушительный удар? Метеорит, угодивший в воздушный лайнер... Нет. Это просто невероятно...

Робертсон пробормотал в нерешительности:

— А может, это... не случайно. Я хочу сказать, может, мы

и не должны были знать то, что знала Джейн, может, метеорит был возмездием...

Испепеляющий взгляд Богерта заставил его замолчать.

— Не думаю, чтобы это был полный провал... — сказал Главный Математик. — Другие Джейн помогут нам. Никто не помешает наделять их женскими голосами, если это как-то способствует их популярности. Но как это воспримут женщины? Знать бы только, что сообщила Джейн!

— В последнем разговоре с вами Мадариан уверял, что у него есть свидетель.

— Знаю. Я размышлял над этим. Как вы думаете, неужели я не связался с Флагстафом? Но там никто не слышал, чтобы Джейн сказала нечто из ряда вон выходящее, что хотя бы отдаленно походило на решение проблемы обитаемых планет. А там-то уж было кому понять подобное заявление, если оно вообще было сделано...

— Неужели Мадариан солгал? А может, он просто помешался? Или хотел себя выгородить?

— Уж не хотите ли вы сказать, что, спасая свою репутацию, он нарочно столкнулся с метеоритом?

— Не-да! Но что же нам теперь делать?

Богерт решительно сказал:

— Отправимся во Флагстаф. Ответ должен быть там. Нужно заняться этим вплотную, вот и все. Я возьму с собой нескольких сотрудников Мадариана. Мы перевернем там все вверх дном.

— Но послушайте, Богерт, даже если и был свидетель, который все слышал, к чему нам это? Ведь Джейн больше не существует и некому объяснить ход рассуждений?

— Поймите, важны даже мельчайшие детали. Джейн скорее всего назвала не звезды, а их номера по каталогу. Ведь ни у одной из звезд, имеющих названия, нет ни малейших шансов иметь в своей системе обитаемую планету. Если кто-нибудь слышал, пусть мельком, как Джейн упоминала какой-то номер, это было бы уже нечто. Располагая конечными результатами и сведениями, сообщенными Джейн вначале, мы могли бы потом проследить ход ее умозаключений. И тем самым, возможно, спасли бы положение!

Через три дня Богерт вернулся из Флагстафа в подавленном настроении.

Когда Робертсон нетерпеливо осведомился о результатах поездки, он покачал головой:

— Ничего!

— Ничего???

— Абсолютно. Я разговаривал с учеными, техническим персоналом и даже студентами, со всеми, кто хоть бы как-то общался с Джейн или только ее видел. Я расспрашивал обо всем, что бы ни говорила Джейн. Они хорошо помнят ее слова, все они весьма толковые люди, занимающиеся проблемой громадной важности. И потому они были заинтересованы в том, чтобы все вспомнить. Они ведь имели дело с говорящим роботом — этот факт уже сам по себе примечателен, да еще с голосом, как у актрисы телевидения, — такое невозможно забыть.

— А с помощью психозонда... — начал было Робертсон.

— Если бы хоть у одного из них остались пусть даже смутные воспоминания о какой-нибудь важной беседе с Джейн, я бы добился его согласия подвергнуться испытанию психозондом... Но мыслимо ли подвергать подобной процедуре добрых два десятка человек, для которых мозг — главный источник существования. Честно говоря, это ни к чему не приведет. Если Джейн упомянула три звезды, утверждая, что в их системах есть обитаемая планета, представляете, что творилось бы в их черепной коробке — это, наверное, можно было бы сравнить с извержением вулкана... Ну разве хоть один из них мог бы такое забыть?

— Значит, кто-то из них лжет, — мрачно произнес Робертсон. — И эти сведения нужны ему для собственных целей, чтобы позднее прославиться.

— А что он может извлечь из них? Вся обсерватория знает, с какой целью Мадариан и Джейн приезжали туда. Они осведомлены также и о цели моего визита. Если в будущем какой-нибудь ученый из тех, кто сейчас работает во Флагстафе, вдруг представит совершенно оригинальную, но справедливую теорию обитаемых планет, то не только во Флагстафе, но и в нашей фирме ни у кого не останется сомнений, что это плагиат.

— Значит, Мадариан принял желаемое за действительное.

— Нет, в это я также не могу поверить. Конечно, Мадариан был крайне неуравновешенным человеком, как и все робописихологи, видимо, по той причине, что они привыкли общаться с роботами больше, чем с людьми. Это несомненно! Но дура-

ком-то он не был! В подобном случае он никак не мог ошибиться.

— Получается... — но тут Робертсон исчерпал запас своих гипотез. Оба зашли в тупик и несколько минут недовольно смотрели друг на друга, пока Робертсон не нарушил тишину:

— Питер!

— Да?

— А что, если спросить у Сьюзен?

Богерт весь внутренне напрягся:

— Как вы сказали?

— Позвоним Сьюзен и попросим ее прийти сюда.

— А что она, собственно, сможет сделать?

— Не знаю. Но ведь она тоже рロボпсихолог и наверняка лучше, чем кто-либо другой, поймет замыслы Мадариана. И, кроме того, она... О, вы ведь знаете, у нее всегда было больше серого вещества, чем у любого из нас!

— Не забываете, ей около восьмидесяти лет!

— А вам семьдесят. Ну и что?

Богерт вздохнул. Кто знает, быть может, за эти годы бездействия язвительности у Сьюзен поубавилось? И он сказал:

— Хорошо! Я ее приглашу.

* * *

Войдя в кабинет Богерта, Сьюзен Кэлвин внимательно оглядела все вокруг, прежде чем встретиться глазами с начальником исследовательского отдела. Она очень постарела со времени своего ухода. Ее волосы стали белоснежными, а лицо — морщинистым. Она сделалась такой хрупкой, что казалась почти прозрачной. И только ее пронизательные глаза оставались прежними.

Богерт двинулся ей навстречу и протянул руку. Сьюзен Кэлвин обменялась с ним рукопожатием и произнесла:

— Вы выглядите вполне прилично для старика, Питер. На вашем месте я не стала бы дожидаться до будущего года. Уходите на пенсию, освобождайте место для молодежи. А Мадариан-то погиб. Неужели вы вызвали меня, чтобы предложить занять старое место? Так вы дойдете до того, что будете держать стариков еще год после их смерти!

— Нет, нет, Сьюзен! Я просил вас прийти... — Он замялся, не зная, с какого конца начать.

Но Сьюзен читала его мысли так же легко, как и раньше.

Она села с предосторожностями, каких требовали ее плохо сгибающиеся суставы, и сказала:

— Питер! Вы обратились ко мне потому, что дело плохо. Иначе, даже мертвую, вы не допустили бы меня ближе чем на пушечный выстрел.

— Право же, Сьюзен!

— Не тратьте время на пустые разговоры! У меня на это никогда не хватало времени, даже когда мне было сорок, ну, а сейчас — тем более... Смерть Мадариана и ваш вызов наверняка связаны между собой. Случайное совпадение двух таких необычайных событий слишком маловероятно. Начните с самого начала и не бойтесь показать, какой вы дурак. Я уже давно заметила эту вашу особенность.

Богерт с несчастным видом прочистил горло и принялся говорить. Она внимательно слушала, время от времени поднимала высохшую руку, останавливая его, и задавала вопросы. Когда он упомянул слово «интуиция», она презрительно фыркнула.

— Женская интуиция? Для этого понадобился такой робот? Ох, уж эти мужчины! Вы не можете допустить, что женщина, которая делает правильные умозаключения, равна или даже превосходит вас по интеллектуальному уровню, и тогда вы придумываете какую-то «женскую интуицию».

— Но, Сьюзен, я еще не кончил.

Когда же он заговорил о контрольно Джейн, она заметила:

— Иногда просто трудно решить: то ли возмущаться мужским полом, то ли раз и навсегда признать всех мужчин абсолютными ничтожествами...

Богерт настаивал:

— Дайте же мне рассказать, Сьюзен!

Едва он кончил, Сьюзен спросила:

— Можете вы уступить мне кабинет на час-другой?

— Да, но...

— Я хочу изучить все — программу Джейн, сообщения Мадариана, ваши беседы во Флагстафе. Надеюсь, что вы разрешите в случае надобности воспользоваться этим прекрасным секретным лазерным телефоном и вашим вычислительным устройством.

— Ну разумеется!

— Тогда уходите, Питер!

Не прошло и сорока пяти минут, как Сьюзен прошаркала до двери, открыла ее и позвала Богерта. Он вошел в сопро-

Рисунки Н. ГРИШИНА

вождении Робертсона, которого она приветствовала не слишком любезно:

— Привет, Скотт!

Богерт тщетно пытался угадать что-либо по лицу Сьюзен. Это было всего-навсего суровое лицо старой женщины, которая

не имела ни малейшего желания облегчить его участь. Он осторожно осведомился:

— Как вы думаете, Сьюзен, вы сможете нам помочь?

— Помимо того, что я уже сделала? Нет, не смогу.

Богерт недовольно поджал губы, но тут вмешался Робертсон.

— Что же вы сделали, Сьюзен?

— Я немного поработала мозгами. К сожалению, сколько я ни старалась, я не могла никому привить эту привычку. Сначала я думала о Мадариане. Я ведь его хорошо знала. Он был умен, но легко возбудим и к тому же — весь нараспашку. Думаю, после меня вы ощутили приятную перемену, Питер.

— Да, это кое-что изменило, — не смог удержаться Богерт.

— И он как мальчишка сразу же прибежал к вам с каждой новой идеей, так ведь?

— Да!

— И все же его последнее сообщение, где он заявил, что Джейн нашла решение, было сделано с борта лайнера. Но почему он не связался с вами из Флагстафа сразу же после того, как Джейн назвала ему планету?

— Быть может, — сказал Богерт, — он впервые в жизни решил проверить все досконально. Ведь в его работе не случилось ничего более значительного, и он предпочел выждать, пока у него не будет полной уверенности...

— Напротив. Чем серьезнее дело, тем меньше стал бы он ждать. А раз уж он доказал такое редкостное терпение, почему он не выдержал до конца, чтобы, приехав, проверить решение с помощью вычислительной техники, которой располагает фирма? Короче говоря, с одной стороны, он ждал слишком долго, а с другой — слишком мало.

Робертсон прервал ее:

— Значит, по-вашему, он просто нас разыгрывал?

Сьюзен возмутилась:

— Послушайте, Скотт, не пытайтесь соревноваться с Питером в идиотских замечаниях. Итак, я продолжаю. Другой интересный факт — это свидетель. Судя по записям последнего разговора, Мадариан сказал: «Бедняга просто подскочил от неожиданности, когда Джейн вдруг принялась излагать решение своим мелодичным голосом». Это были его последние слова. Возникает вопрос, почему подпрыгнул свидетель? Мадариан объяснил вам, что все в Флагстафе с ума посходили от ее голоса, а там они пробыли десять дней. Почему же тот факт, что она вдруг заговорила, мог их так удивить?

— Я думаю, оттого, — ответил Богерт, — что Джейн сообщила наконец решение проблемы, которая вот уже столетие волнует умы планетологов.

— Но ведь именно на это они и рассчитывали. — такова была цель поездки. Кроме того, вдумаясь в эту фразу. По заявлению Мадариана свидетель был потрясен, а не просто удивлен — если, конечно, вы в состоянии уловить разницу. К тому же он отреагировал, когда Джейн вдруг принялась излагать решение, иначе говоря, в самом начале ее речи. Свидетелю нужно было послушать хотя бы несколько мгновений, чтобы удивиться смыслу ее фразы. В этом случае Мадариан сказал бы, что он подпрыгнул после того, как услышал слова, произнесенные Джейн.

Богерту стало не по себе.

— Не думаю, чтобы все дело было в одном слове...

— А я думаю, — ледяным тоном парировала Сьюзен. — Потому что я рロボпсихолог и могу предположить такое же отношение к вопросу со стороны Мадариана. Он тоже был рробопсихологом. Следовательно, остается объяснить две странности: необычное поведение Мадариана и необычную реакцию свидетеля.

— Вы в состоянии их объяснить? — спросил Робертсон.

— Естественно. С помощью элементарной логики. Мадариан сообщил новость без промедлений, как это делал обычно, или так быстро, как смог. Если бы Джейн решила проблему во Флагстафе, безусловно, он позвонил бы оттуда. Но поскольку он сообщил это прямо с борта лайнера, значит, она выдала результаты после того, как они покинули обсерваторию.

— Но тогда...

— Дайте же мне кончить. Во Флагстаф Мадариан прямо с аэродрома поехал в большом закрытом фургоне? А Джейн в своем ящике вместе с ним?

— Да, так.

— Стало быть, Мадариан и запакованная Джейн на обратном пути возвращались к самолету в той же машине? Это точно?

— Да.

— И в этой машине они были не одни. В первом сообщении Мадариана есть такие слова: «Когда нас довезли до административного корпуса». Я думаю, что не ошибусь, утверждая, что если их довезли, то, значит, был шофер — еще один человек в машине.

— О боже!

— Ваше слабое место, Питер, в том, что вы полагаете, будто свидетель высказываний Джейн по планетологии был не иначе как планетологом. Вы делите человечество на категории, из коих большинство вы презираете или не принимаете в расчет. Робот так рассуждать не в состоянии. Первый Закон гласит: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Речь идет о любом человеке. Для роботов в этом и заключается сущность их взгляда на жизнь. Робот не делает разграничений. Для него все люди совершенно равны, и для робопсихологов, имеющих дело как с людьми, так и с роботами, — тоже. Мадариану и в голову не пришло уточнить, что заявление Джейн слышал шофер фургона. Для вас шофер — принадлежность машины, и только, но для Мадариана это был человек и свидетель. Ни больше ни меньше!

Богерт недоверчиво покачал головой.

— А вы в этом уверены?

— Конечно, уверена! А как же иначе можно объяснить замечание Мадариана, что свидетель был так потрясен? Ведь Джейн находилась в ящике? Но не была отключена. Насколько мне известно, Мадариан решительно возражал, чтобы хоть ненадолго отключать интуитивного робота. Кроме того, Джейн-5, как и остальные роботы ее типа, была на редкость молчаливой. Мадариану, вероятно, и в голову не пришло запретить ей разговаривать в ящике. Но, судя по всему, именно в ящике последние детали решения окончательно сформировались в мозгу Джейн. И вот она заговорила. Внезапно из ящика раздалось контральто. Что бы вы испытали на месте шофера в подобной ситуации? Наверняка вы были бы потрясены. Чудо, что не произошло аварии.

— Но если этот шофер и в самом деле был свидетелем, почему же он не сообщил...

— Почему? А откуда ему было знать, что произошло нечто из ряда вон выходящее, как он мог оценить значение того, что услышал? К тому же Мадариан мог дать ему приличные чаевые, чтобы он держал язык за зубами. Вы бы хотели, чтобы стало известно, что действующего робота тайком перевозят по Земле?

— Но вспомнит ли шофер, что сказала Джейн?

— А почему бы и нет? На ваш взгляд, Питер, шофер по уровню своего развития мало чем отличается от обезьяны и не способен ничего удержать в памяти? Но есть шоферы, кото-

рым ума не занимать. Заявление Джейн было весьма примечательным, и, возможно, он хоть частично его помнит, даже если он неточно назовет несколько букв или цифр. Ведь мы имеем дело с довольно ограниченным числом звезд или звездных систем. Примерно пять тысяч пятьсот звезд в радиусе восьмидесяти световых лет. Я точно не проверила это число. Но вы сможете сделать правильный выбор. И, кроме того, в случае необходимости у вас будет достаточно веский повод, чтобы воспользоваться психозондом.

Двое мужчин устали сидеть на Сьюзен. Наконец Богерт, который боялся верить своим ушам, прошептал:

— Откуда у вас такая уверенность?

Сьюзен чуть было ему не ответила:

«Потому что я связалась с Флагстафом, идиот! Потому что я разговаривала с водителем фургона и он рассказал мне то, что услышал. Потому что я велела проверить эти данные на вычислительной машине Флагстафа и мне назвали три звезды, которые соответствуют полученным сведениям. Потому что их названия у меня в кармане!»

Но она сдержалась. Пусть он сам дойдет до этого. Она осторожно поднялась и ответила саркастическим тоном:

— Откуда у меня такая уверенность? Если угодно, назовите это женской интуицией.

Перевела с английского И. ГОРЕВА

Н а 2-й с т р. о б л о ж к и — р и с у н о к Н. Г Р И Ш И Н А

и р а с с к а з у А. А З И М О В а «Ж е н с к а я м и н у т ц а»